

*Жунушова Г.Б.***КУРАЛДУУ КОЗГОЛОҢ ҮЧҮН ЖАЗЫК
ЖООПКЕРЧИЛИГИ***Жунушова Г.Б.***УГОЛОВНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ
ЗА ВООРУЖЕННЫЙ МЯТЕЖ***G.B. Junushova***CRIMINAL RESPONSIBILITY FOR
ARMED REBELLION**

УДК 343.211: 343.341.1

Кыргыз Республикасынын жазык мыйзамынын тарыхый өнүгүшүнүн бардык баскычтарында конституциялык түзүлүштүн негиздерине жана мамлекеттин коопсуздугуна каршы кылмыштардын тийиштүү укуктук регламентине өзгөчө маани берилип келген. Кыргыз Республикасынын жаңыланган жазык мыйзамынын ченемдеринде каралып жаткан жазык кылмыштарынын тобу олуттуу өзгөрүүлөргө туш болгон, алардын бир бөлүгү ушул макалада чагылдырылган. Автор куралдуу козголоң кылмышынын курамына жазык-укуктук талдоо жүргүзүп, куралдуу козголоң үчүн жазык жоопкерчилигин жөнгө салган жазык-укуктук ченемдердин позициясында кылмыштардын объективдүү жагынын белгилеринин конструкциясынын өзгөчөлүгүн белгилейт. Каралып жаткан жазык-укуктук ченемде укук колдонуу тажрыйбасы жок болгондугуна байланыштуу автор мамлекеттик түзүлүштүн негиздерин бузууга багытталган жана жалпы жазык кылмыштары катары кылмыштардын чектеши курамынан каралып жаткан кылмыштын курамын чектеп бөлүү көйгөйүн белгилейт.

Негизги сөздөр: куралдуу козголоң, кылмыш, конституциялык түзүлүш, күч колдонуп өзгөртүү, уюштуруу, катышуу, жазык мыйзамы.

В уголовном законодательстве Кыргызской Республики на всех этапах его исторического развития придавалось высокое значение должной правовой регламентации преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. В нормах обновленного уголовного законодательства Кыргызской Республики рассматриваемая группа уголовных преступлений претерпела значительные изменения, часть из которых освещена в настоящей статье. Автор проводит уголовно-правовой анализ состава преступления вооруженный мятеж, отмечает особенности кон-

струкции признаков объективной стороны преступления в диспозиции уголовно-правовой нормы, регулирующей наступление уголовной ответственности за вооруженный мятеж. В связи с тем, что практика правоприменения по рассматриваемой уголовно-правовой норме отсутствует, автор отмечает проблемы ограничения рассматриваемого состава преступления от смежных составов преступлений, как направленных на нарушение основ конституционного строя, так и общеуголовных преступлений.

Ключевые слова: вооруженный мятеж, преступление, конституционный строй, насильственное изменение, организация, участие, уголовное законодательство.

The criminal legislation of the Kyrgyz Republic at all stages of its historical development attached high importance to the proper legal regulation of crimes against the foundations of the constitutional system and state security. In the norms of the updated criminal legislation of the Kyrgyz Republic, the criminal group under consideration has undergone significant changes, some of which are covered in this article. The author conducts a criminal law analysis of the crime of armed rebellion, notes the design features of the objective side of the crime in the disposition of the criminal law regulating the onset of criminal liability for armed rebellion. Due to the fact that there is no practice of law enforcement under the considered criminal law norm, the author notes the problems of delimiting the constituent elements of the crime from related corpus delicti, both aimed at violating the foundations of the constitutional order and general criminal offenses.

Key words: armed rebellion, crime, constitutional order, violent change, organization, participation, criminal law.

В современный период развития правовых и общественных отношений не теряет своей актуаль-

ности исследование проблем установления и правовой регламентации уголовной ответственности за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. При том, что число таких преступлений в общем числе преступлений, совершенных в Кыргызской Республике традиционно продолжает оставаться в числе «аутсайдеров» среди более популярных разновидностей преступных деяний, их высокая общественная опасность и повышенная значимость нарушаемых в ходе их совершения общественных отношений, повышает значимость исследования особенностей регулирования уголовной ответственности за их совершение, определения наличия проблем правовых конструкций уголовно-правовых норм и выработке предложений по их совершенствованию.

В Кыргызской Республике была проведена масштабной судебно-правовая реформа, одним из результатов которой выступила разработка, принятие и введение в действие полностью обновленного Уголовного кодекса Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года №19 [1] (далее по тексту – УК КР). В рамках данного нормативно-правового акта, как и в ранее действующем уголовном законодательстве особое внимание законодатель уделяет конструкции составов преступлений, устанавливающих уголовную ответственность за совершение преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства. Следует отметить, что при использовании схожих юридических конструкций рассматриваемой группы преступлений в действующем уголовном законодательстве и Уголовном кодексе Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года №68 [2] (далее по тексту – УК КР 1997 года), который действовал до вступления в силу модернизированного УК КР на протяжении практически 20 лет, обнаруживается ряд существенных отличий.

В соответствии с диспозицией ст. 312 УК КР уголовно-наказуемым выступает: «Организация вооруженного мятежа либо активное участие в нем в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя» [1]. В рамках рассматриваемой уголовно-правовой нормы законодатель прямо указывает тот непосредственный объект уголовно-правовой охраны, который претерпевает негативные последствия вследствие совершенного преступного деяния. Так, таким непосредственным

объектом преступного посягательства выступают общественные отношения, направленные на нормальную реализацию основ конституционного строя. Следует отметить, что в ранее действовавшем уголовном законодательстве Кыргызской Республики в качестве непосредственного объекта рассматриваемого состава преступления законодатель указывал также «территориальную целостность Кыргызской Республики» [2] (ст. 296 УК КР 1997 года). По нашему мнению, исключение в действующей редакции рассматриваемой уголовно-правовой нормы указания на то, что вооруженный мятеж имеет своей целью помимо нарушения основ конституционного строя также и нарушение территориальной целостности государства, вполне оправдано, так как территориальная целостность государства выступает одним из составных элементов конституционного строя. Подтверждением этого служит структура Раздела первого Конституции Кыргызской Республики от июня 2010 года [3] (далее по тексту – Конституция КР), где правило о неприкосновенности территориальной целостности государства отображено в нормах ст. 8 Конституции КР, включенной в раздел, посвященный регламентации основ конституционного строя государства. Таким образом, непосредственным объектом вооруженного мятежа следует понимать общественные отношения, направленные на нормальную реализацию основ конституционного строя Кыргызской Республики и их неприкосновенность. В свою очередь основы конституционного строя, как объект уголовно-правовой охраны представляют собой: «закрепленные в Конституции основополагающие начала организации общества и государства, обладающие наивысшей юридической силой и определяющие содержание всей правовой системы государства» [4, с. 8-9].

Что касается особенностей законодательного закрепления элементов объективной стороны состава преступления вооруженный мятеж, то и в прежнем, и в действующем уголовном законодательстве Кыргызской Республики, отечественный законодатель связывает наступление уголовной ответственности с организацией либо активным участием в вооруженном мятеже. При этом и организация, и участие в таком преступном деянии в настоящее время и в ранее действовавшем отечест-

венном уголовном законодательстве криминализировались в рамках одной части уголовно-правовой нормы. По нашему мнению, такой подход отечественного законодателя не совсем оправдан и противоречит общим правилам об установлении оснований уголовной ответственности за совершение преступления в соучастии.

Так, в связи с тем, что законодатель не закрепляет специальных правил к определению специальных правил уголовно-правовой квалификации в ч. 2 ст. 24 УК КР в отношении лиц, организовавших или участвующих в вооруженном мятеже, ответственность за совершение данных деяний подчинено общим правилам квалификации преступных деяний, установленных в нормах уголовного законодательства. При этом, в соответствии с правилами ст.ст. 45,46 УК КР организатор преступления несет более высокую уголовную ответственность нежели исполнитель преступления.

В связи с этим, по нашему мнению, представляется целесообразным разграничить ответственность организатора и участника вооруженного мятежа по разным частям уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за совершение рассматриваемого преступного деяния. Так, такой опыт уже сложился к настоящему времени в Республике Казахстан, где в уголовно-правовой норме ст. 181 Уголовного кодекса Республики Казахстан от 3 июля 2014 года №226-V [5] уголовная ответственность организатора вооруженного мятежа и участника в вооруженном мятеже закреплены отдельными частями уголовно-правовой нормы. Представляется целесообразным имплементировать опыт соседнего государства в установлении уголовной ответственности за вооруженный мятеж в отечественное уголовное законодательство и практику правоприменения.

Следует отметить, что в доктрине уголовного права также обсуждался вопрос о выделении организации вооруженного мятежа и участия в нем в самостоятельные разновидности одного преступления. Так, Г.Н. Борзенков и др. отмечают, что: «организация вооруженного мятежа – это различные действия, направленные на провоцирование вооруженного выступления против законной власти в Российской Федерации. Они могут состоять, в частности, в пропаганде вооруженного мятежа, в вербовке его участников, в снабжении мятежников

оружием, воинским снаряжением, в планировании вооруженных операций и других действиях по идеологическому, материальному или организационному обеспечению мятежа» [6, с. 505].

При этом, также вызывает резонный вопрос закрепление в нормах ст. 312 УК КР уголовной ответственности за активное участие в вооруженном мятеже. В соответствии с правилами частей 1 и 2 ст. 3 УК КР конструкция уголовно-правовых норм и возможность привлечения лица к уголовной ответственности подчинены действиям принципа юридической определенности:

«1. Юридическая определенность означает возможность точного установления настоящим Кодексом основания для привлечения к уголовной ответственности за преступление, а также всех признаков состава преступления.

2. Уголовный закон должен четко и ясно определять наказуемое деяние (действие или бездействие) и не подлежит расширительному толкованию» [1].

При этом, учитывая особенности действующей редакции ст. 312 УК КР остаются не ясными критерии относимости действий лица к активному либо пассивному участию в вооруженном мятеже. Так, с учетом особенностей законодательной регламентации ответственности за участие в вооруженном мятеже, лицо, которое, например, оказывало финансовую помощь организаторам на приобретение оружия, используемого в совершении вооруженного мятежа, совершаемого в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя и прямо не участвовало в совершении активных действий объективной стороны преступления либо его организации формально остается вне пределов досягаемости действия ст. 312 УК КР. Более того, в нормах гл. 43 УК КР вообще не предусмотрено уголовной ответственности за финансирование каких-либо преступных деяний, направленных на насильственное нарушение неприкосновенности конституционного строя и безопасности государства, что, по нашему мнению, является существенным пробелом действующего уголовного законодательства.

В связи с изложенным предлагаем отказаться от использования указания именно на активное участие в совершении вооруженного мятежа в рамках диспозиции ст. 312 УК КР.

По нашему мнению, целесообразным выступит криминализация участия в вооруженном мятеже без указания на активность, тем более, определение критериев такой активности не закреплено ни в нормах уголовного закона, ни в отраслевом законодательстве, что влечет за собой проявления субъективного толкования рассматриваемой уголовно-правовой нормы и нарушает действие принципа юридической определенности.

Учитывая крайнюю лаконичность формулирования признаков объективной стороны преступления в рамках ст. 312 УК КР, а также установления специальной цели совершенного преступного деяния, возникает проблема разграничения вооруженного мятежа и смежных составов преступлений.

Так, в соответствии со ст. 309 УК КР уголовно-наказуемым выступает: «Насильственный захват власти или насильственное удержание власти в нарушение Конституции Кыргызской Республики, а равно действия, направленные на насильственное изменение конституционного строя» [1].

Следует отметить наличие аналогичной цели преступления в рассматриваемых составах преступления, а также то, что не существует сколь-либо очевидных отличий также и в таких элементах рассматриваемых составов преступлений, как непосредственный объект и субъективные признаки. Признаки объективной стороны рассматриваемых составов также имеют схожие черты. Так, в рамках ст. 309 УК КР криминализован именно насильственный способ совершения преступного деяния. При этом, участие в вооруженном мятеже также может совершаться насильственным способом, тем более что применение оружия в ходе выполнения объективной стороны вооруженного мятежа его прямо подразумевает.

В ответ на решение данной проблемы в юридической литературе отмечено, что: «законодатель не принял во внимание ряд практических обстоятельств, например, нереалистичность насильственного захвата власти или насильственного изменения конституционного строя одним не вооруженным человеком, т.е. без учинения вооруженного мятежа. Также, в частности, логически невозможна организация вооруженного мятежа в целях свержения конституционного строя вне фактического совершения действий, направленных на насильственный захват власти и т.п.» [7].

По нашему мнению, при разграничении и квалификации преступных деяний по ст. 309 УК КР и ст. 312 УК КР следует применять правило об общей и специальной уголовно-правовой норме. Иными словами, в случае если деяние началось как насильственный захват власти, а в ходе его совершения закончилось как вооруженный мятеж, то такое деяние полностью охватывается действием уголовно-правовой нормы ст. 312 и дополнительной квалификации по ст. 309 УК КР не требует.

Подтверждением данного тезиса служит также и размер наказания в санкциях рассматриваемых уголовно-правовых норм, так как санкция ст. 312 УК КР предусматривает более строгое уголовное наказание. Однако, в связи с отсутствием значительной практики правоприменения рассматриваемых уголовно-правовых норм, по-нашему мнению, поставить точку в решении данного вопроса можно только посредством соответствующего разъяснения Пленума Верховного суда Кыргызской Республики.

Следует отметить, что схожие черты в исполнении объективной стороны преступления обнаруживаются также между вооруженным мятежом (ст. 312 УК КР) и массовыми беспорядками (ст. 264 УК КР). В соответствии с диспозицией ст. 264 УК КР уголовно-наказуемым выступает:

«1. Организация массовых беспорядков, сопровождающихся насилием, погромами, поджогами, уничтожением имущества, применением огнестрельного оружия, взрывчатых веществ или взрывных устройств либо оказанием вооруженного сопротивления представителю власти

2. Участие в массовых беспорядках, предусмотренных частью 1 настоящей статьи

3. Призывы к активному неподчинению законным требованиям представителей власти и к массовым беспорядкам, а равно призывы к насилию над гражданами» [1].

При этом, оба из рассматриваемых преступлений могут совершаться с применением оружия, сопровождаться массовыми погромами. Основным критерием разграничения рассматриваемых составов выступает наличие специальной цели совершения в ст. 312 УК КР – свержение или изменение конституционного строя. Однако, законодательная конструкция ст. 264 УК КР, по нашему мнению,

выступает более последовательной, поэтому предлагаем закрепить особенности уголовной ответственности за вооруженный мятеж по аналогии с тем, как это сделано в отношении установления ответственности за совершение массовых беспорядков.

Учитывая вышеизложенное, предлагаем следующую редакцию уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за вооруженный мятеж:

«Статья 312. Вооруженный мятеж.

1. Организация вооруженного мятежа в целях свержения или насильственного изменения конституционного строя, - наказываются ...

2. Участие в вооруженном мятеже, - наказываются ...

3. Призывы к участию вооруженном мятеже, - наказываются ...»

Литература:

1. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 2 февраля 2017 года №19: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527/30?cl=ru-ru&mode=tekst> (дата обращения: 25.06.2020).
2. Уголовный кодекс Кыргызской Республики от 1 октября 1997 года №68 (утратил силу): URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/568> (дата обращения: 25.06.2020)
3. Конституция Кыргызской Республики от 27 июня 2010 года: URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/202913?cl=ru-ru> (дата обращения: 25.06.2020)
4. Дурнова И.А. Правовой механизм защиты основ конституционного строя Российской Федерации: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук: 12.00.02. - Саратов, 2013: URL: <http://test.ssla.ru/dissertation/referats/11-04-2013-2.pdf> (дата обращения: 25.06.2020)
5. Уголовный кодекс Республики Казахстан от 3 июля 2014. №226-V: URL: https://online.zakon.kz/document/?doc_id=31575252&doc_id2=31575252#pos=217;-188&pos2=2609;-62 (дата обращения: 25.06.2020)
6. Борзенков Г.Н. и др. Российское уголовное право: в 2 т. Особенная часть: учебник; под ред. Л.В. Иногамовой-Хегай, В.С. Комиссарова, А.И. Рапога. - М.: Проспект, 2011. Т. 2. - 688 с.
7. Сергун Е.П. Основные юридико-технические вопросы состава вооруженного мятежа (СТ. 279 УК РФ) // Вестник СПЮА. - 2019. - №3 (128). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-yuridiko-tehnicheskie-voprosy-sostava-vooruzhennogo-myatezha-st-279-uk-gf> (дата обращения: 25.06.2020).